

Надежда Волкова

«Тимей» Платона. Рецензия на книгу:
C. Jorgenson, F. Karfík, and Š. Špinka (eds.), *Plato's Timaeus*:
Proceedings of the Tenth Symposium Platonicum Pragense. Brill, 2021

NADEZHDA VOLKOVA

PLATO'S *TIMAEUS*. BOOK REVIEW: C. Jorgenson, F. Karfík, and Š. Špinka (eds.),
Plato's Timaeus: Proceedings of the Tenth Symposium Platonicum Pragense. Brill, 2021

ABSTRACT. The papers collected in this volume were originally presented at the Tenth Symposium Platonicum Pragense. The symposium brought together scholars from all over Europe representing different traditions and methodological approaches in the interpretation of Plato's legacy. The aim of the Tenth Symposium was to present a comprehensive discussion of the *Timaeus*, covering both well-known and little studied topics and passages. Despite the aspiration for methodological diversity, the collection as a whole constitutes an organic unity, opening up new perspectives on reading widely known passages and shedding new light on less discussed topics. Thus, the volume is a valuable resource for students and researchers of all levels, whether they are interested in the *Timaeus* as a whole or in a particular passage. The reviewer's goal was to produce a concise assessment of all the works included in the volume, though some of the papers are dealt with in more detail, the others in less. Of the greatest interest to the reviewer were the articles exploring the problem of bodies and the receptacle in the *Timaeus*, therefore they receive the most attention in the review.

KEYWORDS: Plato, the *Timaeus*, receptacle, bodies, elements.

О «Тимее» написано больше книг и статей, чем о любом другом диалоге Платона. В исследовательской литературе, начиная с классических комментированных изданий и комментариев к «Тимею» (Р.Д. Арчер-Хинд, А.Э. Тейлор, Ф.М. Корнфорд¹) и заканчивая новыми переводами и монографиями (Д. Зиль, Д. Мил-

© Н.П. Волкова (Москва). goznadya@gmail.com. Институт философии Российской академии наук.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 17.2 (2022)

DOI: 10.25985/PI.17.2.16

¹ Archer-Hind 1888; Taylor 1928; Cornford 1937.

лер, С. Броди² и др.), каждая строчка диалога пристально рассматривалась и на разные лады интерпретировалась. Тем не менее, интерес к «Тимею» не ослабевает. В 2021 году вышел сборник материалов посвященного «Тимею» Десятого Пражского платоновского симпозиума, проходившего с 12 по 14 ноября 2015 года. Симпозиумы, посвященные диалогам Платона, регулярно проводятся Чешским платоновским обществом начиная с 1997 года. Традиционно они собирают ученых со всей Европы, представляющих различные школы и методологические подходы к изучению наследия Платона. Среди их участников были Л. Бриссон, Д. О'Брайен, Т.М. Робинсон, Т.А. Слезак и многие другие ведущие платоноведы. Непосредственная цель этих встреч — всестороннее обсуждение конкретных текстов Платона, и ранее уже были рассмотрены такие диалоги, как «Государство», «Федр», «Протагор», «Федон», «Пир» и другие. По результатам симпозиумов выпускаются сборники, представляющие наиболее значимые выступления³, так что опубликованные в них статьи, можно сказать, наилучшим образом отражают актуальное состояние платоноведения. Десятый симпозиум был посвящен «Тимею», на нем обсуждались как хорошо известные проблемы, связанные с диалогом, так и малоизученные темы и фрагменты. Расположение статей в сборнике повторяет, насколько возможно, порядок тем в самом диалоге. Очень приятно, что издание целиком находится в открытом доступе. Предлагая свой небольшой, иногда критический, обзор опубликованных в сборнике статей, рецензент старался осветить их в полном объеме. Не всем работам удалось уделить внимание в равной мере: об одних будет сказано более подробно, о других — менее. Поскольку наиболее обсуждаемые темы «Тимея» в последнее десятилетие — это вопросы о статусе тел и необходимости «третьего вида» для их существования, посвященные именно этим вопросам работы рассматриваются чуть более детально.

² Zeyl 2000; Miller 2003; Broadie 2012.

³ Сборники Пражского платоновского симпозиума, изданные в 1998–2021 годах, см. в списке литературы.

Пролог

Сборник открывает статья Тани Рубен «*Genos, chora* и война в прологе „Тимей“–„Крития“», где показано, каким образом рассказ о войне против Атлантиды предвосхищает космогонические темы основного повествования «Тимея». Автор обосновывает тезис о том, что речь Крития в начале «Тимея» (20d–26e) является общим прологом сразу к двум диалогам — «Тимею» и «Критию», поскольку представляет собой не только вводный сюжет из истории об Атлантиде, которая будет рассказана в «Критии», но также предваряет собой и речь Тимея о происхождении космоса и человека. В обоих случаях важную роль играют такие понятия, как γένος («семья», «род», «вид»), χώρα («пространство» или «территория») и πόλεμος («война»). Задачей Рубен было выявить общие темы двух диалогов и тем самым показать связь политической и физической философии Платона. Получается, что в «Тимее» рассуждения о генеалогии, описание территории древних Афин и воспоминание о войне против Атлантиды переносятся на космический уровень, когда во второй части диалога Тимей вводит новый онтологический элемент — пространство как необходимое условие для возникновения космоса (48a–68d). Особенно интересен разбор Рубен достаточно спорного фрагмента 53b1–5, из которого становится ясно, что огонь, воздух, вода и земля имели две фазы существования — или возникновения (γένεσις)⁴. Во-первых, они существовали до рождения неба в виде отпечатков или следов самих себя внутри пространства (ἵχνη ἔχοντα αὐτῶν ἄττα, 53b2). Там они присутствовали в виде отпечатков умопостигаемой природы (φύσις) и своих собственных свойств (πάθη). Когда Платон говорит о возникновении элементов, то имеет в виду, что они появились в результате «упорядочения» (διάταξις, 53b8) Демиургом, который их «сконструировал», или «сконфигурировал» (διεσχηματίσατο, 53b4), придав им формы геометрических фигур (σχήματα) четырех правильных многогранников. Таким образом, Рубен отмечает очень значимую параллель меж-

⁴ Раз согласно «Тимею» всё телесное только возникает, а не существует.

ду возникновением древних Афин и возникновением элементов, обосновывая ее тем, что в обоих случаях имеют место два рода причин: естественные (природные) и искусственные (демиургические). Подобно тому как Афина собирала рожденное потомство Геи и Гефеста в будущей аттической хоре, так и Демиург работал с тем, что спонтанно и естественно рождалось в докосмическом пространстве, а именно с отпечатками огня, воздуха, воды и земли. Это наблюдение подтверждает мысль, уже высказанную Даной Миллер, о том, что докосмическое состояние элементов в «Тимее» подобно состоянию государства, прежде чем его начинают преобразовывать философы⁵. Далее идет статья Люциуса Хартманна «Великая речь Тимея — пример истинной риторики?», где автор сосредоточивается на формальных характеристиках произнесенной Тимеем речи и доказывает, что она представляет собой пример истинной риторики, как ее понимал Платон. Сравнивая речь Тимея с другими текстами IV–V веков, а также с диалогами самого Платона, Хартманн отмечает, что многие особенности речи Тимея можно объяснить последовательным применением приемов философской риторики, основные принципы которой Платон сформулировал в «Горгии» и «Федре». Истинная философская риторика подразумевает, во-первых, знание идей, во-вторых — четкую структуру текста и явное определение центральных терминов, а также критическое отношение к ценности письменных текстов. Все эти принципы обнаруживаются в тексте «Тимея». Кроме того, Тимей, будучи одаренный астроном и истинным философом, почти идеально отвечает всем критериям идеального оратора.

Душа и светила

Следующие четыре статьи посвящены обсуждению проблем устройства Мировой души и описания астрономических явлений в первой части диалога. Франческо Фронтеротта в статье «*Panteles zōion* и *pantelōs on*: жизнь, душа и умопостигаемое движение в „Ти-

⁵ Miller 2003: 188.

мее“ (и „Софисте“)» разбирает ряд проблем, связанных с концепцией самого по себе живого существа, по образцу которого Демиург создает физический космос. Опираясь на текст «Софиста», Фронтеротта объясняет, в каком смысле умопостигаемое животное может обладать жизнью и движением. Он утверждает, что Платон наделяет умопостигаемое животное «жизнью» по аналогии с телесным миром: поскольку космос — копия умопостигаемой модели, то умопостигаемая модель сама должна быть устроена как живое существо. Быть «живым» для чувственно воспринимаемой реальности означает иметь одушевляющую тело душу. Но что означает «жить» для умопостигаемой реальности? Автор рассматривает несколько гипотез и в итоге предлагает возможное общее объяснение вопроса об умопостигаемой жизни, согласно которому понятие жизни, примененное к совершенному живому существу в «Тимее», является раскрытием и дальнейшим развитием определения бытия как способности ($\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$), данного в «Софисте». Тогда способность, которой обладает совершенное живое существо и в которой состоит его бытие, — это способность устанавливать взаимосвязи ($\kappa\omicron\iota\nu\omega\nu\acute{\iota}\alpha\iota$) между частями умопостигаемой реальности. Собственно, движение бытия и создает эти умопостигаемые связи. Выводы данной работы, как кажется, можно было бы подтвердить или проиллюстрировать текстами Плотина, где тот подробно рассматривает вопрос о том, что такое движение в умопостигаемом мире⁶. Но, по-видимому, тенденция последнего времени среди исследователей Платона состоит в том, чтобы выстраивать свои аргументы без опоры на неоплатоников. Статья Люка Бриссона «Как создать душу в „Тимее“» шаг за шагом ведет читателя через трудный отрывок о создании и структуре Мировой души. Поскольку данный фрагмент «Тимея» пристально изучался и многократно комментировался как неоплатониками, так и современными исследователями, об этой теме очень трудно написать что-то новое. Однако Бриссон добавил к ней рассуждение о возникновении душ светил, человеческих и животных душ и даже душ растений, тем самым предста-

⁶ См., например, Fadda 2016.

вив тему души как сквозной мотив всего диалога. Такой подход вполне оправдан и закономерен, потому что все души имеют своим началом Мировую душу. Бессмертные души богов, которые включают в себя Мировую душу и души звезд, связаны с телом, которое само по себе нерушимо. Хотя человеческая душа создана Демиургом из той же смеси, что и божественная, она менее чиста. Потому что помимо интеллектуальной части она имеет две низшие, страстную и воделеющую, возникшие из-за связи души со смертными несовершенным телом. Таким образом, начав с самых основ — с процесса смешения и деления Мировой души, — завершает свои рассуждения Бриссон вопросом о реинкарнации и индивидуальном бессмертии. Статья очень емко представляет всю тему души целиком — от возникновения Мировой души до смерти и перерождения индивидуальных душ.

Далее в сборнике достаточно подробно представлены астрономические темы, которые куда менее популярны, чем учение о Мировой душе. Карел Тейн в своей статье «Планеты и время: Тимеева загадка» утверждает, вопреки традиционной интерпретации, что не время, а сами планеты являются «движущимся образом вечности». Автор пытается прочесть текст «Тимея» буквально, то есть как последовательное описание создания космоса, а не как иносказание, призванное прояснить наиболее сложные метафизические вопросы, такие как устройство души. Он подробно исследует определение времени как подвижного образа вечности и разбирает фрагмент, посвященный созданию и описанию планет, чтобы объяснить, почему именно сами планеты стоит считать подвижными символами вечности, а не время, как считалось ранее. Продолжает астрономическую тему статья Иштвана Боднара «День, месяц и год: чего Платон ожидает от астрономии», где автор размышляет том, как астрономия используется Платоном и чем отличаются рассуждения о ней в «Тимее» и «Государстве». Его статья представляется мне наиболее спорной. Автор предполагает, что в «Тимее» Платон ставит перед астрономией иную задачу, чем та, о которой он говорит в «Государстве». Напомню, что роль астрономии в образовательной программе «Государства»,

как и всех математических наук, состоит в отвлечении от телесного и обращении к духовному. Об этом Платон подробно рассказывает в VII книге «Государства» (524b и далее). Важно отметить, что математика присутствовала на всех этапах обучения, начиная с простейшего счета, затем, переходя к более сложным вычислениям, в том числе заимствованным из повседневной жизни, математическое образование завершалось решением теоретических задач. Математика представлена в «Государстве» как пифагорейский квадривиум — арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Но сама по себе математика к обращению не ведет. На примере астрономии Платон показывает, что наблюдение за небесными светилами может иметь чисто прикладной характер, тогда это будет «пошлая» астрономия, ничем не способствующая воспитанию философа. Но есть и другой путь: «надо пользоваться небесным узором как пособием для изучения подлинного бытия, подобно тому, как если бы нам подвернулись чертежи Дедала или какого-нибудь иного мастера либо художника, отлично и старательно вычерченные» (529d)⁷. Таким образом, Платон призывает к реформе астрономии. Истинная астрономия рассматривает видимый небосвод только как чертеж и символ умопостигаемой реальности. В «Тимее» же, по мысли автора, этого противопоставления нет. Наблюдая за небосклоном, мы видим не что иное, как движения Мировой души. Автор не учитывает, что все рассуждения Тимея — это рассуждения истинного астронома и пифагорейца, поэтому он способен увидеть во вращении планет невидимое, чисто умозрительное движение души. Тем не менее, статья очень познавательная. Автор подробно рассматривает астрономические проблемы определения времени и другие темы, которым явно не хватало внимания в исследовательской литературе.

Тело и пространство

Затем акцент в сборнике смещается на обсуждение восприимчивости во второй части речи Тимея. Работа Ондржея Красы «Тела

⁷ Пер. А.Н. Егунова.

и пространство в „Тимее“» посвящена вопросу о том, как этот таинственный «третий вид» соотносится с более привычной платоновской концепцией становления. Если в других диалогах Платона речь идет о противопоставлении подлинного бытия (умопостигаемой реальности) становлению (телесной реальности), то в «Тимее» он вводит «третий вид», необходимый для существования тел. В конце концов третий вид отождествляется Платоном с пространством. Вопросу о том, зачем Платон вводит этот новый вид, посвящена масса литературы. Краса делает акцент на проблеме отношения тел к пространству (48a–53b), он выделяет три важных особенности в отношениях между телами и третьим видом. Во-первых, он считает, что тела находятся в третьем виде как во вместительнице или контейнере, во-вторых — что элементы являются модификациями третьего вида, как и первичные треугольники, из которых состоят их поверхности, и в-третьих — что тела являются такими модификациями, которые не препятствуют появлению других модификаций. Нужно отметить, что в своей трактовке отношения тел к пространству автор опирается на интерпретацию, предложенную И. Кромби, хотя и не ссылается на него. Вопрос о том, из чего состоят тела, давно задавался исследователями. Рассматривая вопрос о природе первичных треугольников, Э. Захс пришла к выводу, что они должны состоять из некоего материала, которым оказалось не что иное, как природа третьего вида. Ярким противником этой концепции выступал Кромби. Он полагал, что сначала третьему виду придается форма первичных треугольников, которые в свою очередь формируют правильные тела. «Что такое „пространство“? „Пространство“ получает форму треугольников, эти треугольники объединяются в правильные тела, и из этих правильных тел создаются физические вещи»⁸. Однако в последнее время эта позиция оспаривается. Д. Миллер справедливо отметила, что треугольники не могут формировать третий вид, потому что он не должен быть аффицируем формами. Для Платона утверждение о неаффициру-

⁸ Crombie 1963: 222.

емости пространства принципиально важно. В противном случае оно не сможет правильно выполнять свою основную роль — быть воспринимающей тела природой. Миллер полагает, что первичные треугольники — такие же тела, они имеют третье измерение, а треугольниками они названы Платоном омонимично, то есть по аналогии с идеей треугольника, как, например, мы говорим о линии или круге, когда чертим на доске⁹. Краса видит другое решение, считая, что модификация пространства, на которой он настаивает, настолько нестабильна, что позволяет без труда одним формам вытеснять другие, так что оформленность никак не мешает пространству принимать всё новые и новые формы. Хотя сам Платон не сравнивает пространство с зеркалом, здесь, как отмечает автор, эта ассоциация напрашивается сама собой. Нельзя сказать, что его доводы обладают непреложной убедительностью, но Краса погружает нас в самую гущу вопросов, связанных с проблемой статуса физических тел в «Тимее», которая, безусловно, еще требует дальнейшего анализа. Тему продолжает работа Гирга Караманолиса «Развивает ли Платон теорию связок в „Тимее“?». Автор стремится разрушить ставшее в последнее время популярным представление о телах как о связке качеств. Изначально теория связок выдвинута шотландским философом Дэвидом Юмом, она представляет собой онтологическую теорию, в которой любой объект не имеет никакой отдельной сущности, а состоит лишь из набора (связки) свойств или отношений. Поскольку объект состоит только из своих свойств, то не может быть объекта без свойств, и его даже нельзя представить. Например, когда мы мыслим яблоко, то думаем, по существу, только о его свойствах: цвет, округлость, упругость, сладость и т.п. Применима ли такое описание телесной реальности к Платону? Караманолис считает, что в «Тимее», особенно в разделе, посвященном восприимнице, Платон действительно развивает теорию, согласно которой единичные свойства и отдельные качества способствуют построению тел. Но Платон вовсе не отказывается от своей позиции,

⁹ См. Miller 2003: 163–195.

которую сформулировал в более ранних диалогах, а именно что тела имеют сущность, которая обусловлена наличием в них отпечатка идеи. То есть, когда мы мыслим яблоко, то не только перебираем все его свойства, но также имеем ввиду идею яблока, чьим отражением конкретное яблоко является. Автор подкрепляет это утверждение ссылкой на Плотина. Хотя Плотин напрямую не комментирует «Тимея», Караманолис предполагает, что он был вдохновлен этим диалогом, когда рассматривал вопрос о существовании материальных тел. Критика Караманолиса кажется мне весьма уместной, она помогает избежать упрощения в интерпретации телесной реальности у Платона. Герд Ван Риль завершает раздел, посвященный восприимчивости, статьей «Материя не важна: о статусе тел в „Тимее“ (30a–32b и 53c–61c)», где поднимает вопрос о том, можно ли, а главное — нужно ли, отождествлять восприимчивую с материей. Вопрос о том, что представляет собой воспринимающая эйдосы природа, подобна ли она материи Аристотеля, обсуждался со времен Древней академии и до сих пор не нашел однозначного решения. Первым отождествил восприимчивую с материей сам Аристотель¹⁰. В «Метафизике» он причислил Платона к тем, кто признавал существование двух причин — формальной (сути вещи) и материальной (*Metaph.* 988a7–14). Под материальной причиной Аристотель понимает здесь принцип «большого-и-малого». В «Физике» он ищет начала физически существующих вещей и объявляет ими две противоположности и принимающую их природу, то есть материя, при этом принцип «большого-и-малого» оказывается искомым подлежащей природой (*Ph.* 192a13–14), которую, конечно, по мнению Аристотеля, Платон понимал неправильно, потому что полагал противоположностью формы. И в итоге Аристотель отождествляет материальный принцип Платона с воспринимающим и пространством из «Тимея»: «Поэтому и Платон говорит в „Тимее“, что материя и пространство — одно и то же, так как одно и то же воспринимающее и пространство» (209b11–13)¹¹. Вслед за Аристоте-

¹⁰ Подробней см. Cherniss 1944: 83–173.

¹¹ Пер. В.П. Карпова.

лем искать материю у Платона принялись платоники. Как отмечает Ван Риль, они были очарованы идеей Аристотеля о материи. Но так ли нужна материя Платону для объяснения существования космоса? Многие комментаторы, если не большинство, предполагают, что онтология Платона включает в себя понятие материи. Действительно, после критики Аристотеля платоники почти всегда указывали на то, что Платон имел достойную альтернативу аристотелевской концепции материи. Тем не менее, тщательно анализируя текст «Тимея», Ван Риль показывает, что у Платона нет такого понятия, как «материя» в аристотелевском смысле — прежде всего, как того, из чего вещи состоят. Показывая, как устроен космос, Платон умеет объяснить существование тел, не привлекая материю, и в этом сила его объяснения, а не слабость.

Математические принципы природы

Последняя группа статей посвящена более эклектичному третьему разделу «Тимея». Марван Рашед рассматривает промежуточный статус математических объектов в «Тимее» в «Незамеченной аналогии между „Тимеем“ и „Законами“». Вопрос об отношении между учением, изложенным в «Тимее», и так называемыми «неписаными учениями» Платона дискутируется очень давно. Автор полагает, что центральная проблема, вокруг которой вращаются все эти споры, — это вопрос о промежуточном положении математических объектов. Он дает сравнительный анализ двух фрагментов из «Тимея» (55c7–d6) и из «Законов» (739a1–e7), на основании которого становится ясна незамеченная ранее аналогия между этими текстами. Следующая очень важная статья принадлежит Филипу Карфику: «Что можно воспринять в „Тимее“ Платона?». Автор продолжает тему математических объектов, но рассматривает ее в срезе проблем чувственного восприятия. Основная мысль Платона о механизмах ощущения сводится к тому, что тела соприкасаются друг с другом и воздействуют друг на друга по принципу подобия. Столкновения между телами вызывают сжатие и расширение, то есть измене-

ние конфигурации тел. Все эти процессы можно описать математически, то есть количественно, но для человеческой души они представляются как разные качества. Карфик приходит к выводу, что хотя воспринимаемые качества не являются субъектно-независимыми свойствами, за ними стоят умопостигаемые формы, что и позволяет Платону совершать переход от количественного описания к качественному, когда речь идет о восприятии. Завершается сборник двумя статьями о болезнях. Габор Бетег в статье «Платон о болезнях в „Федоне“, „Государстве“ и „Тимее“» предлагает масштабную переоценку платоновской концепции болезни. А Чад Йоргенсон в работе «Ответственность, причинность и воля в „Тимее“» рассматривает пороки как формы психического заболевания.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на разнообразие методов и подходов, вместе статьи образуют органическое единство, предлагая новые подходы к изучению как широко известных отрывков, так и менее обсуждаемых тем. Сборник представляет собой ценный ресурс для студентов и исследователей всех уровней, независимо от того, касаются ли их интересы «Тимея» в целом или отдельного его отрывка.

Литература

- Archer-Hind, R.D. (1888), *The Timaeus of Plato*. London; New York: Macmillan and Co.
- Broadie, S. (2012), *Nature and Divinity in Plato's Timaeus*. Cambridge University Press.
- Cherniss, H. (1944), *Aristotle's Criticism of Plato and the Academy*. Johns Hopkins University Press.
- Cornford, F.M. (1937), *Plato's Cosmology*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Crombie, I. (1963), *An Examination of Plato's Doctrines*. Vol. 2: *Plato on Knowledge and Reality*. Routledge.
- Fadda, T. (2016), *Presence and meaning of kinesis [κίνησις] in Plotinus' Enneads*. Diss. Université Grenoble Alpes; Università degli Studi di Cagliari.

- Havlíček, Aleš; Karfík, Filip, eds. (1998), *The Republic and the Laws of Plato: Proceedings of the First Symposium Platonicum Pragense* Prague: OIKOYMENH.
- Havlíček, Aleš; Karfík, Filip, eds. (2001), *Plato's Phaedo: Proceedings of the Second Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Havlíček, Aleš; Karfík, Filip, eds. (2003), *Plato's Protagoras: Proceedings of the Third Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Havlíček, Aleš; Karfík, Filip, eds. (2005), *Plato's Parmenides: Proceedings of the Fourth Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Havlíček, Aleš; Cajthaml, Martin, eds. (2007), *Plato's Symposium: Proceedings of the Fifth Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Havlíček, Aleš; Karfík, Filip; Špinka, Štěpán, eds. (2009), *Plato's Theaetetus: Proceedings of the Sixth Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Havlíček, Aleš; Karfík, Filip, eds. (2011), *Plato's Sophist: Proceedings of the Seventh Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Havlíček, Aleš; Jirsa, Jakub; Thein, Karel, eds. (2013), *Plato's Statesman: Proceedings of the Eighth Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Jirsa, Jakub; Karfík, Filip; Špinka, Štěpán, eds. (2016), *Plato's Philebus: Proceedings of the Ninth Symposium Platonicum Pragense*. Prague: OIKOYMENH.
- Karfík, Filip; Špinka, Štěpán, eds. (2021), *Plato's Timaeus: Proceedings of the Tenth Symposium Platonicum Pragense*. Leiden; Boston: Brill.
- Miller, D. (2003), *The Third Kind in Plato's Timaeus*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Sachs, E. (1917), *Die fünf platonischen Körper. Zur Geschichte der Mathematik und der Elementenlehre Platons und der Pythagoreer*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
- Taylor, A.E. (1928), *A Commentary on Plato's Timaeus*. Oxford: Clarendon Press.
- Zeyl, D.J. (2000), *Plato. Timaeus*. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company.